

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах

У нас, в литературном и преимущественно в журнальном мире, случаются целые катастрофы, даже почти романы. Вот, например, недавно, очень недавно, случилась странная кутерьма. «Русское слово», орган неумеренных нигилистов, напал на «Современник», орган умеренных нигилистов. С горечью попрекнуло «Русское слово» «Современник»¹. Из этих попреков усматривается, что «Современник» теперь уже не современник, а ретроград, потому что позволил г-ну Щедрину, своему сотруднику, писать о мальчишках, о каких-то «вислоухих», о ничего не понимающих и всё портящих, о каком-то «засиживаньи» и, наконец, о ужас! чуть ли не об эстетике. Ясное дело, что «Современник» ретроград. «И это в том органе, где писали Белинский и Добролюбов!» Ужас! ужас! Так что «Современник», говорят, даже и струсил, до того струсил, что запретил будто бы г-ну Щедрину вести дальнейшую полемику с «Русским словом» и, так сказать, посягнул на свободу «пера». Всё это не более как слухи, но эти слухи тем более усилились, что в апрельской книге «Современника» г-н Щедрин очевидно стусывається². Наконец пошли слухи еще более потрясающие: стали говорить, что г-н Щедрин разрублен пополам г-ном Зайцевым, на две особые половинки... Потом пронесся еще один потрясающий слух, что в обеих половинках г-на Щедрина пробудилось чувство литературного достоинства, что он не хочет стесняться и продавать редакции свое право иметь и выражать свои убеждения, что он оставляет редакцию, что он будто бы рассорился с «Современником», что он соединяется с каким-то посторонним сатириком и едет в Москву издавать там свой собственный сатирический орган, что остановка

только за тем: где достать направление? — а как только достанут они направление, то тотчас же и уедут из Петербурга в Москву. И вдруг, о диво! вышел майский № «Современника», и г-н Щедрин опять там, — правда унылый, немного встревоженный, немного не по себе, и уж об «Русском слове» ни полслова, ни-ни-ни, но зато все-таки г-н Щедрин в «Современнике». Подписи нет, но в некоторых статейках «Греческий человек Трефандос» выглядывает из-за каждой строки, каждая мысль пахнет «фиками»³, как же не г-н Щедрин? Итак, что же всё это? Что же означали все эти слухи? Выходит теперь, что или «Современник» решается быть ретроградом, продолжая удерживать у себя г-на Щедрина, или г-н Щедрин раскаялся и дал редакции слово быть послушным и больше не баловаться. Одно из двух непременно было. Действительно, в последнее время г-н Щедрин (и бог знает с чего) вздумал выражать в «Современнике» такие убеждения, которые прямо и буквально противоречат самым основным убеждениям последних годов «Современника», и не мудрено, что «Русское слово» даже стыдит г-ном Щедриным «Современник». Мало того, «Русское слово» теперь утверждает, что г-н Щедрин выражает вовсе не убеждения, а испускает «какую-то желтую жидкость»⁴. Следственно, если г-н Щедрин всё еще в «Современнике», то он непременно просил пARDону, иначе как же бы мог он остаться. Ведь не может же быть, чтоб «Современник» действительно захотел противоречить всему тому, о чем проповедовал в последние годы, и, по их понятиям, — «сретроградничать»? Или, может быть, просто-запросто «Современник», утратив всех своих главных сотрудников, сам теперь не ведает, что творит? И это вероятно. Во всяком случае всё это очень интересно. Чтоб разрешить как-нибудь этот «вопрос», надо бы по-настоящему бросить серьезный взгляд на весь ансамбль этой повести и, из любви к русской литературе, проследить всё сначала. Но признаемся, несмотря на всю нашу привязанность к русской литературе, мы бы никак не решились на такой скучный подвиг, как вдруг в наш «портфель редакции» поступила одна рукопись, — роман, в котором, как нарочно, изображено нечто аналогическое... Эти «современные» романы ужасно распространяются. Поступившая рукопись — произведение одного начинающего пера, очевидно имеющее иносказательный смысл. «Страшимся сказать», но думаем, что молодой романист в своем произведении имел в виду едва ли не «Современник» — журнал, в который, по-видимому, перешли все «трефандосы и фики» г-на Щедрина из «Губернских очерков». Вот несколько глав из этого нового «Опыта о новых хлыщах»⁵.

ОТРЫВОК
ИЗ РОМАНА «ЩЕДРОДАРОВ»

I

*Щедродаров вступает в журнал «Своевременный»
в качестве соредактора*

...Итак, Щедродарова взяли и сделали соредактором «Своевременного». Произошло это назад тому года полтора⁶. Щедродаров еще гулял на воле и беспечно наслаждался жизнью, но в «Своевременном» произошли беспорядки. Старые, капитальные сотрудники исчезли: Правдолюбов скончался; остальные не оказались в наличности⁷. Редакция и ближайшие сотрудники тотчас же собрались для рассуждений. Может быть, даже они уселись при этом в кружок на стульях, но во избежание личностей не будем упоминать о таких пустяках.

— Наше дело плохо, — начал один из редакторов. — Вы знаете, господа, что Правдолюбов скончался, что другие...

— Еще бы не знать, — отвечали хором.

— К делу! Мы остались одни. Этого мало. К тому же мало из нас литераторов. На первый случай, разумеется, мы станем зады твердить...

— Зады твердить! Зады твердить! — раздалось опять хором.

— ...Но задов хватит ненадолго. Жизнь идет. Являются новые вопросы, новые факты. Об них нужно будет говорить и нам; а без прежних главных сотрудников мы можем дать маху. Что делать?

— Во-первых, напечатать роман «Что делать?»!⁸ — отвечали сотрудники.

— Это само собой, но далее?

— А далее я придумал очень хорошую вещь, — решил один из компании. — Когда нас кто-нибудь припрет к стене и вообще во всех тех случаях, когда потребуется дать мнение точное и положительное, мы тотчас же объявим, что всё объяснится, «когда наступят новые экономические отношения»; затем несколько точек, и дело в шляпе. Этого хватит года на полтора, даже на два.

— Гм! Милая идея, тем более что ее можно употреблять решительно во всяком случае. Я вас спрашиваю: что не зависит от экономических отношений? Таким образом, самая банальная идея примет вид как будто настоящей идеи. И даже чем чаще ее повторять, тем больше она в глазах неучей получит значения и тем

самым избавит нас от обязанности делать дело. Но мне кажется, что и этого мало...

— Мало, мало!..

— Видите ли, господа, в нашем журнальном деле кто сидит и молчит, не огрызается и сам не нападает, тот всегда кажется большинству подписчиков и не силен и не умен, хотя бы он пресовестливо занимался делом и понимал дело лучше, чем всякий другой. Кто же нападает первый, лает и кусается; кто нагло и нахально не отвечает на самые точные запросы, а прямо плюет на них, свистит, карикатурит и бросается сам всех ругать, хотя бы и без разбора, тот в глазах рутины и большинства всегда кажется сильным и себе на уме. Так поступим и мы, тем более что мы очень часто так поступали и прежде. И потому нам теперь надо — шавку, шавку, лающую и кусающуюся. Надеюсь, вы понимаете, господа, что я употребляю слово *шавка* в самом благороднейшем, в самом высшем литературном значении. Да и чем шавка хуже каких бы то ни было зверей или птиц? Важна тут, собственно, не шавка, а шавочные свойства ее. Мы только цыкнем: «усь-усь!», и приобретенная нами шавка должна бросать всё, срывать с места, лететь, впиваться, в кого ей укажут, и теревить до тех пор, пока ей не крикнут: «ісі!» Разумеется, чем меньше будет у нашей шавки идей, — тем лучше. Зато у ней должна быть игра, перо, злость, беспримерное тщеславие и... и... говоря литературным языком, — невинность, чтоб она ни о чем не догадывалась. Мне кажется, что г-н Щедродаров, известный наш юморист и сатирик, если б его пригласить в состав редакции, мог бы в этом духе успешно служить нам постоянным сотрудником...

— Так, так! — закричали все, но встал оппонент.

— Я согласен, — сказал он, — что у Щедродарова своих идей нет и что это довольно значительное преимущество. Согласен тоже, что он тщеславен. Но кроме этих двух его преимуществ, что в нем еще? Ведь у него только «трефандосы да фики». Только этим и пробавляется!

— Правда, — возразили оппоненту, — но у него игра, у него словечки, он вертляв, у него совершенно беспредметная и беспричинная злость, злость для злости — нечто вроде искусства для искусства. Злость, в которой он и сам ничего не понимает. А это-то всего драгоценнее... Стоит только направить эту злость, и он будет кусать всё, что ему ни укажут, потому что ему только бы кусать. Прочтите, г-н оппонент, о нем статью г-на Скрибова, которая явится через полтора года в журнале «Заграничное слово»⁹. Там довольно удачно его

оценят как юмориста и укажут на «трефандосов и фики»*. Но эти-то недостатки мы и употребим в свою пользу. Трефандосы — пошлость, это известно, но зато они всем по плечу. Это рутинно, но рутинный успех хоть и короток, хоть и скоро проходит, но зато скоро распространяется, а Щедродаров нам всего-то на два, на три года и нужен. Наконец, если б Щедродаров был поумнее, что ж бы мы с ним тогда стали делать? Он стал бы рассуждать и не слушаться. А главное, и конец концов, у него, сколько я вижу по его сочинениям, гражданского чувства ни капли. Ему, кроме себя, все равно, а следовательно, только польстить его тщеславию, и он на всё будет согласен...

— Польстить, но не очень, — раздался один голос — Строгость не мешает.

— О, конечно; строгость, и даже усиленная. Но он уж тем одним пленен будет, что станет членом редакции. Итак, решено или нет?

— Позвольте, непредвиденный случай. А что, если он наконец поймет и в нем возбудится чувство литературного достоинства?

— Гм. Ну это мы еще посмотрим...

— И наконец, как вы скажете ему: «Ты шавка и, следовательно, лай!» Мне кажется, это даже нелитературно.

---

* Очевидно, молодой романист имеет в виду статью г-на Писарева в «Русском слове». Вот отрывок из этой статьи:

«Г-н Щедрин, сам того не замечая, в одной из глуповских сцен¹⁰ превосходно охарактеризовал типические особенности своего собственного юмора. Играют глуповцы в карты:

— Греческий человек Трефандос! — восклицает он (пехотный командир), выходя с трэф. Мы все хохочем, хотя Трефандос этот является на сцену аккуратно каждый раз, как мы садимся играть в карты, а это случается едва ли не всякий вечер.

— Фики! — продолжает командир, выходя с пиковой масти.

— Ой, да перестань же, пострел! — говорит генерал Голубчиков, покатываясь со смеху, — ведь этак и всю игру с тобой перепутаю.

Не кажется ли вам, любезный читатель, после всего, что вы прочитали выше, что г-н Щедрин говорит вам “трефандос” и “фики”, а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками и, покатываясь со смеху, кричите бессильным голосом “Ой, да перестань же, пострел! Всю игру перепутаю” Но неумолимый остряк не перестает, и вы, действительно, путаете игру, т. е. сбиваетесь с толку и принимаете глуповского балагура за русского сатирика. Конечно, “тайные пороссячьи амуры”, “новая затыкаемость старой непоглощаемости” и особенно “сукин сын туз” не чета “греческому человеку Трефандосу”. Остроты г-на Щедрина смелее, неожиданнее и замысловатее шуток пехотного командира, но зато смеется над остротами г-на Щедрина не один глуповский генерал Голубчиков, а вся наша читающая публика, и в том числе наша умная, свежая и деятельная молодежь».

— О, это вздор, на всё есть свои словечки. Можно, например, не говорить: «Лайте!», а можно сказать: «Издавайте звуки» или что-нибудь в этом роде. Не беспокойтесь, поймет, тем более что ему самому только того и надо... Итак, решено или нет?

— Решено, решено!

И вот таким-то образом и поступил Щедродаров в редакцию «Своевременного».

II

Условия

Принят был Щедродаров на чрезвычайно тяжелых условиях; но так как он был ужасно рад, то и не заметил их, бедняжка! Даже едва прослушал, вряд ли понял. Явился он в редакцию охорашиваясь, и ему тотчас же, в общем собрании, были предложены все эти пункты. Вот из них некоторые:

Пункт первый. Молодое перо! Знайте, что вы пришли сюда — издавать звуки. Город «Пупов» пора бросить¹¹. Все эти «трефандосы» — вздор. Вы, конечно, можете наполнять ими и теперь наш отдел беллетристики, но тем не менее вы должны стремиться к другому, высшему идеалу, а именно: популяризовать естественные науки, излагая их в виде повестей и рассказов¹². Это высшая цель для всякого художника и поэта. Но это со временем, а покамест только издавайте звуки. Заметьте, я не говорю вам: «лайте», потому что это выражение нелитературное, а говорю: «издавайте звуки». Надеюсь, вы понимаете, что оно значит?

— Еще бы-с, — ответил Щедродаров и приосанился. Член редакции обвел все собрание внушающим взглядом: «Говорил ведь, что поймет!»

Пункт второй. Молодое перо! Отселе вы должны усвоить себе нашу тактику и следовать ей безусловно. Вы должны почитать, прикрывать и защищать всех тех, которые заявляют себя прогрессистами. Даже если б они того и не стоили, даже если б они были из второго класса гимназии, даже если б они на деле просто безобразничали; но если только они заявили уже себя перед публикой хотя бы только четырьмя прогрессивными строчками или два года сряду пробавлялись какими-нибудь двумя, хоть такими, например, стишонками:

Век и Век и Лев Камбек,
Лев Камбек и Век и Век¹³,

то знайте, что они для вас священны. И если б даже они из меры вон забезобразничались или заврались — всё равно вы должны, если уж нельзя их хвалить, то просто молчать о них и отнюдь не издавать на них звуков. Если кто-нибудь из них напишет в стихах или прозе о «Гражданской слезе»¹⁴ и заявит об этом публично, то такой уже должен быть, для вас во всяком случае, неприкосновенен. И хотя бы такой перед вами явился даже...

— Даже в пьяном виде, — перебил Щедродаров с юмором, так и ожидая, что вот все покатытся со смеху, как от «фигов», и тотчас же похвалят его за веселость. Но он рассчитывал без хозяина. Это был народ угрюмый, которого не проймешь юмористикой. Прерванный оратор нахмурился и внятно, отдельно и строго произнес:

— Да-же в пья-ном ви-де-с.

Щедродаров струсил.

Пункт третий. Молодое перо! Вам предстоит участвовать в отделе критики; итак, внушите себе за правило, что яблоко натуральное лучше яблока нарисованного¹⁵, тем более что яблоко натуральное можно съесть, а яблоко нарисованное нельзя съесть. Следственно, искусство вздор, роскошь и может служить только для забавы детей. Эта громадная в простоте своей «новая идея» должна заменить вам отселе все курсы эстетики и сразу поставить вас на надлежащую точку при оценке всех, так называемых, «художественных произведений». Поняли?

Но Щедродаров до того подобрел от радости, а с другой стороны, до того начал трусить, что не посмел ничего сказать против даже того: что, во 1-х, яблоко натуральное и яблоко нарисованное, два совершенно разнородные предмета, которые никоим образом нельзя сравнивать; а во 2-х, что, положим, яблоко натуральное едят, но яблоко нарисованное для того именно и нарисовано, чтоб на него *смотреть*, а не есть. Что нельзя же в самом деле всего съесть, что ни есть на свете, и нельзя же ограничить полезность предметов и произведений одною съедобностью. Но Щедродаров смолчал по причинам вышеизложенным.

Пункт четвертый. Молодое перо! Отселе вы должны себе взять за правило, что сапоги во всяком случае лучше Пушкина¹⁶, потому что без Пушкина очень можно обойтись, а без сапогов никак нельзя обойтись, а следственно, Пушкин — роскошь и вздор. Поняли?

Но Щедродаров опять смолчал. Он не решился даже справиться, как смотреть на Пушкина, например, хоть тем, у которых уже есть сапоги?

— Равномерно вздор и Гомер, и Александр Дюма, и все прочие, потому что у Гомера бездна предрассудков, есть привидения, и он

верит в чудеса и богов, а следственно, может заразить этими предрассудками юношество; так что просвещенный Курочкин¹⁷, уничтожающий предрассудки, несравненно и во всяком случае выше непросвещенного Гомера. Островского можно печатать единственно потому, что он обличил московских купцов¹⁸; другого же достоинства в нем нет ни малейшего; разве то, что он имя, а потому и можно еще напечатать «Минина», но единственно в подписные месяцы¹⁹.

Вздор и роскошь даже сам Шекспир, потому что у этого даже ведьмы являются, а ведьмы — уже последняя степень ретроградства и особенно вредны для русского юношества, которое и без Шекспира заражается ведьмами еще от нянек. Но заметьте себе, молодое перо! О Шекспире можно и погодить, а следственно, и не издавать звуков, единственно потому что (и черт знает зачем!) вздумалось похвалить его Бюхнеру, в «Stoff und Kraft»²⁰, а так как надобно стоять за всех прогрессистов, а тем паче за Бюхнера, то Шекспира можно и пощадить, конечно до времени.

Но всё это так ничтожно, — прибавил оратор, — что я не делаю об этом особого пункта, а причисляю прямо к четвертому, то есть к пункту о сапогах и о Пушкине.

Пункт пятый. Молодое перо! Вам укажут пять «умных книжек», которые вы непременно должны прочесть, чтоб нам уподобиться²¹. Этак через полгода вы непременно должны будете сдать экзамен в прочитанном, в присутствии всех членов редакции и главнейших сотрудников.

Пункт шестой. Молодое перо! Вам надо проникнуться капитальнейшею мыслию нашего направления, а именно: для счастья всего человечества, равно как и отдельно для каждого человека, прежде всего и важнее всего должно быть — брюхо²², иначе — живот. Что вы смеетесь, милостивый государь?

Щедродаров тотчас же завилал и объявил, что он вовсе не смеялся.

— Я вспомнил-с только про «пуп земли», в который так бессмысленно верит народ, зараженный пагубными предрассудками-с, — пробормотал он в надежде рассмешить и таким образом переменить гнев на милость. Но опять не удалось.

— «Пуп земли!» Милостивый государь! — возвысил голос оратор, — и вы смеете ставить ваш бессмысленный «пуп земли» рядом с величайшей экономической идеей нашего времени, рядом с последним словом реальных и социальных наук! Знайте же, что брюхо — это всё, а всё прочее, почти без исключения, — роскошь и даже бесполезная роскошь! К чему политика, к чему национальности, к чему бессмысленные почвы, к чему искусства, к чему

даже наука, — если не сыто брюхо? Набейте живот, и всё остальное найдется само собою, а если и не найдется, так опять-таки всё равно, потому что всё остальное роскошь и бесполезность. Муравьи, ничтожные муравьи, соединясь для самосохранения, то есть для брюха, к стыду людей, умели изобрести муравейник²³, то есть самый высочайший идеал социального устройства, который только можно представить себе. Напротив, — что сделали люди? Девять десятых людей на всем земном шаре постоянно ходят не сытые! Отчего это? Оттого, что люди глупы, не умеют разглядеть, в чем их настоящая выгода, бросаются за погрешками, за какими-то искусствами, за бесполезным, коснеют в предрассудках, живут сами по себе наобум, по своей воле, а не по умным книжкам и, таким образом, бедны, разъединены и не умеют ничего предпринять. Но достигните только того, чтоб все были сыты, то есть первого шага, и человечество схватит луну за рога, если уж так очень понадобится. Понимаете?

Щедродаров хотел было возразить, что, конечно, было бы очень полезно сначала обеспечить себе брюхо, а потом уж до всего дойти; но что с этакой идеей можно, пожалуй, тысячу лет простоять на одной точке желаний и гнева, не достигнув ни малейшего практического результата, а напротив, просмотрев жизнь и все перепортив. Хотел он тоже прибавить, что, может быть, это вовсе не так легко, как кажется, и что, может быть, схватить луну за рога гораздо легче, чем предварительным и преднамеренным параличем всех остальных способностей человека достигнуть повсеместно сытого брюха; но Щедродаров был уже так утомлен и испуган, а сверх того, он был так мало устроен для подобных ответов, что смиренно молчал, в надежде, что тот скоро кончит.

— И потому, — продолжал оратор, — если на случай придется вам писать, например, политическую статью, положим хоть о славянском вопросе, то вы прямо напишете, что «День» порет вздор. Что стоны славян и желание их освободиться от австрийцев и турок — тоже вздор. Что такие желания — роскошь, и даже непозволительная; что славянам совершенно должно быть всё равно: сами ль они по себе аль под австрийцами и под турками, потому именно, что прежде всего им надо думать о брюхе, а потом разве уже прогнать и турок; но не иначе как в виде роскоши. Понимаете?

Равномерно, если человек скажет вам: я хочу мыслить, я мучусь неразрешенными вековыми вопросами; я хочу любить, я тоскую по том, во что верить, я ищу нравственного идеала, я люблю искусство или что-нибудь в этом роде, — отвечайте ему немедленно,

решительно и смело, что всё это вздор, метафизика, что всё это роскошь, детские грезы, ненужности; что прежде всего надо — брюхо; и что, наконец, если уж очень у этого человека зачесется, то порекомендуйте ему взять ножницы и обстричь себе зачесавшееся место. Танцевать хочу — ноги стриги; рисовать хочу — руки стриги. Тоскую, мечтать хочу, — голову прочь. Брюхо, брюхо и одно брюхо, — вот, милостивый государь, великое убеждение! Понимаете ли, молодое перо?

Молодое перо хотело было заметить, что если обстричь всё остальное, так ведь оставшееся одно брюхо будет, пожалуй, и мертвое. Но он этого не заметил, потому что не мог заметить, а не мог потому, что голова его вовсе не так была устроена, чтоб об этом думать. И потому он только хлопал глазами и ужасно скучал.

— Я по лицу вашему вижу, что вы не совсем меня поняли, — заметил оратор. — Всё еще ветрены; прочтете пять умных книжек, сдадите экзамен, и тогда — посмотрим.

— У меня еще нет своих мыслей, — смиренно поддакнул Щедродаров.

— Знаем. Но у вас игра, у вас перо; и если пять умных книжек вам пойдут впрок, то вы будете издавать хорошие звуки. Мы на вас надеемся. А город «Пупов» надо непременно бросить. «Трефандосы и фики» — вздор-с...

Щедродарова покорило. Ведь и он был самолюбив.

— У меня не одни «трефандосы и фики», — проговорил он с скромною сдержанностью. — У меня в одном месте есть, что «стряпчий городничему живот укусил»²⁴.

— Как? Неужели? где же это? — спросил с приятным удивлением оратор.

— В такой-то и такой-то повести, — ответил Щедродаров, повеселев и охорашиваясь как живчик.

— Ну... это, конечно, что-нибудь; но ведь это еще далеко не всё.

— Неужели-с? а ведь я думал, что уж и всё, — искренно отвечал Щедродаров, ужасно и немедленно подбрав от похвалы.

— То-то и есть, молодой человек, — напутствовал его оратор внушительно. — Идите же; возьмите с собой выданные вам умные книжки и — с богом, издавайте звуки. Так стряпчий городничему... Как это у вас там: живот укусил?

— Живот-с.

— Мне именно нравится, что живот. Напоминает нашу теорию, разница в том, что мы хотим не укусить живот, а насытить. Конечно, и у вас проведена в этом новая идея, но это еще не всё... Итак, с богом! Я вижу, вы устали... Идите и издавайте звуки.

III *Бунт Щедродарова*

Щедродаров издавал звуки почти с лишком год. И на кого он не издавал звуков! В невинном усердии своем он доходил до того, что бросался на людей без причины, ни за что, а так, чтобы исполнить долг юмористики. Иногда его хвалили и гладили по головке. В «Своевременном» чувствовали, что он может приносить своего рода плод; рутинные читатели, которые готовы смеяться даже сто раз сряду повторяемым «фикам» (а таковых огромное число), были удовлетворены. Чего же более? К тому же Щедродаров, между действительно талантливыми вещами, мог писать иногда по целым листам юмористики, в которых ни редакция, ни читатели, ни сам он не понимали ни шиша, но в которых как будто намекалось на что-то такое таинственное, умное и себе на уме, одним словом в духе редакции, так что простодушный читатель бывал очарован и говорил про себя: «Вот оно что!» Это правда, что у него не было ни малейшего гражданского чувства и потому он без зазору лаял, глумился и срамил самых честнейших и толковых людей, наряду с паскуднейшими: была бы только юмористика. В сущности, это был поклонник искусства для искусства, юмористики для юмористики. Был бы только «трефандос», а к кому он относится — всё равно.

Но проходило время, он читал, и невольно идеи стали заходить в неозабоченную до сих пор вопросами его голову. Прочитывая по обязанности то, над чем ему предписано было смеяться, он невольно просвещался и невольно новый свет начал озарять его. Правда, ненадолго; но мало-помалу начало в нем пробуждаться что-то вроде сознания. Не скажу, чтоб появлялись в нем признаки гражданского чувства: легкомыслие и оскорбленное постоянно тщеславие делали то, что назавтра же он по обязанности «издавал звук» на то самое, с чем сегодня мысленно был согласен. Вообще в нем началось беспокорство. Ему захотелось что-то сказать, что-то выразить. Куда и во что он не кидался! Самые разнородные, самые противоречащие мнения и даже теории сходили с его пера, и если б публика не принимала всего этого сплошь за «юмористику», то была бы иногда очень удивлена. Что же касается до редакции, то она на него надеялась и под конец не очень ввязывалась в издавание звуков. Она слышала «звуки» и была покойна. Когда же Щедродаров уж так путался, что сам терял свою голову, то выбегал перед публику и откалывал штучку. Публика смеялась, ему это льстило, и он, как натура

художественная, мигом успокоивался. Но счастье не долговечно. Не столько новые идеи, которые отрывками забрели в его голову, сколько зависть к фельетонисту Кроличкову в «Заграничном слове» возбудили его тщеславие. Тогда-то он и махнул в «Своевременном» знаменитые свои статьи о мальчишках и об засиживателях новых идей²⁵, что прямо противоречило второму пункту условий, по которым он был принят в «Своевременном».

С яростью восстали Скрибов и Кроличков²⁶ и победоносно уличили «Своевременного» в ретроградстве; поднялись трус и суматоха в редакции «Своевременного». Редакторы сбежались и смотрели так, как будто в доме горит. Тотчас же потребовали Щедродарова. Но тот уже приготовился. Он вошел независимо; на челе его блистала эмансипация; он встал в дверях, опершись о косяк рукою, а глаза скосил в окно, как будто совершенно не его дело и смотреть не стоит. В ужасе переглянулись между собою редакторы.

IV

Трагедия в стакане воды

— Что вы сделали! что вы сделали, несчастный! — накинулись на него хором редакция и сотрудники.

— Что я сделал? ничего я не сделал, — отвечал Щедродаров. — «Не испугаешь, дескать, теперь».

— Как ничего! Мы за вами в последнее время не смотрели, а вы что тут напорол?

— Ничего не напорол. Значит, у меня теперь свои мысли явились, вот и всё.

— Но, несчастный, у вас нет мыслей, у вас никогда не было своих мыслей. Мы вас и брали с тем, чтобы у вас не было никаких своих мыслей, а чтоб вы только издавали звуки, а вы...

— А вот теперь у меня и явились свои мысли. *Que diantre!** У «Дня» свои мысли, даже «Голос» уверяет, что у него свои собственные мысли, почему же у меня не может быть своих мыслей?

— Но, несчастный, это уже другой вопрос — почему? И откуда, откуда у вас теперь могли завестись свои мысли? Вы взяли их из «Времени»! Смотрите, смотрите, читайте: вот «Заграничное слово». Тут выписана тирада из «Времени» 62-го года против мальчишек. Слушайте:

«Но мы ненавидим пустых, безмозглых крикунов, позорящих всё, до чего они ни дотронутся, марающих иную чистую, честную

* Какого черта! (фр.). — *Ред. тома.*

идею уже одним тем, что они в ней участвуют; свистунов, свистящих из хлеба и только для того, чтоб свистать, выезжающих верхом на чужой, украденной фразе, как верхом на палочке, и подхлестывающих себя маленьким кнутиком рутинного либерализма».

— Слышали? Знайте же, несчастный, что «Заграничное слово» прямо говорит, что вы это взяли из «Времени»²⁷, что у вас разительное сходство во всем, даже в выражениях. Слушайте: вот ваша юмористика по тому же поводу:

«Но без сомнения всего более способствуют заблуждению публики некоторые вислоухие и юродствующие, которые с ухарскою развязностью прикомандировывают себя к делу, делаемому молодым поколением... Одним своим участием они делают неузнаваемым всякое дело, до которого прикасаются, подобно тому, как мухи летом в одну минуту засиживают какую угодно вещь, хотя бы самую драгоценную... Нет мысли, которой наши вислоухие не обесславили бы, нет дела, которого они не засидели бы».

— Как же не из «Времени»? даже выражения сходные!

— Ну что ж, что из «Времени», — отвечал в свою очередь пикированный Щедродаров. — Я, действительно, признаюсь, что я эту мысль заимствовал из «Времени», так же как и много других, потому что это хороший журнал, и вы напрасно заставляете меня издавать на него звуки. Но я не крал у «Времени», я только сошелся с ним мыслями... Что ж, и я могу сходиться мыслями... У меня и выражения другие. У меня тут есть: «засидели идею, как мухи». Это прекрасное словечко, и жаль, что вы его не понимаете!

— Но, несчастный! ведь хорошо бы оно было тогда, когда б вы его за нас употребили, а ведь вы употребляете его против нас; против нас! слышите ли?

— Да ведь я о мальчишках писал, а не против вас.

— О мальчишках! да ведь это всё равно что на самих себя поднять руки! Чему же вас учили тогда при приеме в редакцию? Не понимает! не понимает! И к тому ж у «Времени» много подписчиков, а он-то его и поддерживает!

— Да что вы на меня, в самом деле! — вскричал Щедродаров, уже совсем рассердившись. — И что вы всё про «Время» да про «Время»! Повторяю вам, это хороший журнал, и я много из него почерпнул! Вы меня заставили смеяться над ними, им язык выставлять! По вашей милости, я, например, смеялся и над «Днем». В «Дне» люди серьезные, там наука, так многолетнее, преемственное и честное исследование. Они пользы хотят. Их никто ни в чем негражданственном упрекнуть не может. Их идея всё больше и больше в ходу;

она признана даже старинными и отъявленными их врагами. С ней можно не соглашаться, но к «Дню» нельзя относиться без уважения.

А между тем я, по вашей милости, туда показывал шиши да кукиши, ставил рядом чуть не с Аскоченским! Вот что значит звуки-то издавать!

— Да кто ж вам велел так ревностно действовать? Сами себя, значит, тешили.

— И что вы напали так на меня за мальчишек? Да помилуйте, они всё засидели, всё перепортили. «Время» тогда только о плутах говорило и справедливо: ведь либерализмом и прогрессизмом они всё равно что торговали у нас в последнее время. Я же об вислоухих упомянул. Из этих хоть есть честные, да всё перепортили. Мы бы могли иметь положительные результаты; где они? Мы всё прогуляли с вашей системой и с вислоухими! И что такое «гражданская слеза»? Да ведь они только пишут, что льют ее, а мне давай настоящую. Да хоть и настоящую — они и ту засидели, и ту засидеть изловчились. Ведь этак всё можно наконец опошлить и засидеть так, что свежему человеку претить начнет*. Ведь мы своих же от себя отбиваем.

Гражданская слеза! Да ведь это фраза, казенная фраза! Я уважаю того, который действительно льет ее, — но моду на гражданские слезы не стану уважать, потому только, что тут написано словечко «гражданские». Да ведь после этого явятся когда-нибудь штатские слезы, партикулярные слезы, слезы комиссариатские, слезы общества заготовления сухих продуктов — так всё это и уважай? Моргенфри, je tantipathe!..

— Что за тон! Что у него за тон! Боже мой, что он говорит! — прокричали в ужасе сотрудники.

— Чего тон? никакого нет тону! а вон там у вас в «Своевременном» напечатано:

Позади бесцветная
Дней былых равнина,
Спят в ней безответные
Слезы гражданина...²⁸

Так ведь это на смех написано! Ну как могут слезы спать в равнине? А вы благоговеете!

---

* Нам кажется, что молодой романист, доставивший нам «Щедродарова», не умеет изображать характеров. Щедродаров из 1-й главы не может так говорить, как он теперь говорит, это уже не художественно. Впрочем, это роман сатирический, роман-карикатура, и в своем роде всё это верно. — *Ред.*

Но тут уж и член редакции пришел в ярость.

— Как, милостивый государь! И вы смеете! Да ведь это слезы гражданина! И какое вам дело, что они спят в равнине? Ну пусть себе спят, пусть что угодно делают, но зато это слезы не простые, а гражданина; смотрите, видите: написано: «гражданина». Наши убеждения...

— Не верю я теперь вашим убеждениям.

— Наши убеждения — брюхо, милостивый государь! наши убеждения о брюхе! брюхо, брюхо — слышите вы?

— Наплевать мне на ваше брюхо, довольно наслушался! не верю я теперь вашему брюху! насытить брюхо ценою предварительного паралича всех членов и всех способностей организма — нелепость! А вы, напротив, в своем фанатизме к брюху дошли до того, что, в свою очередь, все члены и все способности организма, кроме брюха, — считаете нелепостью. Так поступили вы с искусством, с нравственным идеалом, с историческим ходом вещей, со всею жизнью. Где же практический смысл? Вы против жизни идете. Не мы должны предписывать законы жизни, а изучать жизнь и из самой жизни брать себе законы. Вы теоретики!

— Да это целиком из «Времени»! Он его наизусть выдолбил!

— Что ж, я действительно многие места из «Времени» наизусть заучил. Хотя я и издавал звуки по поводу «Времени», но я много обязан «Времени». Я не понимаю, как можно стоять на воздухе, не чувствуя под собой почвы. Англичанин, немец, француз, каждый особо тем и сильны, что стоят каждый на своей собственной почве и что прежде всего они англичане, французы и немцы, а не отвлеченные общечеловеки. Прежде чем что-нибудь сделать, нужно самим чем-нибудь сделаться, воплотиться, самим собою стать. Тогда только вы и можете сказать свое слово, представить свою собственную форму мировоззрения. А вы отвлеченные, вы тени, вы — ничего. Из ничего ничего и не будет. Вы чужие идеи. Вы — сон. Вы не на почве стоите, а на воздухе. Из-под вас просвечивает...

— Так и чешет, так и чешет!

— Ну да, так и чешет! Я вот и сам раз десять написал: «когда настанут новые экономические отношения», да что в том толку? Самому смешно становилось. Когда они настанут, как настанут? С неба, что ль, упадут? Это фраза! На этой фразе можно тысячу лет просидеть, а дела ровно никакого не будет...

— Он вольнодумец! — закричали все, окружая Щедродарова. — Как вы смеете!

— Нет-с, я только перепеченный нигилист и хотел действительно быть полезным. Я хотел, чтоб и у меня были свои мысли, а вы и не за-

мечали моих усилий. Я вон в феврале месяце нарочно в деревню ездил за своими мыслями (прочтите мой талантливый февральский фельетон в «Своевременном»²⁹). Я там увидел мужика и очень удивился, что он беден. Я и прежде видал мужика, но я никогда об нем не задумывался. Конечно, читатели невиноваты, что я это только в первый раз увидал; но я был так удивлен, что принял это за «новую идею». Мало того: я сделал «новое экономическое отношение»³⁰...

— Вы, вы сделали «новое экономическое отношение»! — кричали все в изумлении.

— Да-с, я, я сам, moi-meme! Потому что я тоже могу иметь свои мысли. Я вывел, что если вы в Москве нанимаете извозчика, то не торгуйтесь с мужиком, потому что он беден, и не давайте пятиалтынного, если он спросит двугривенный. Напротив, дайте ему четвертак, если он просит двугривенный... И это, конечно, новое экономическое отношение и, конечно, стоит всякого вашего...

Но тут раздался такой гомерический хохот, что Щедродаров совсем сбился с толку. Он и без того был взволнован всей этой сценой. Некоторое время он в изумлении оглядывал хохочущих сотрудников; но потом вдруг закрыл глаза руками и зарыдал, как маленькое дитя...

Вот несколько глав. Далее не хотим печатать. Мы полагаем, что это не художественное произведение, что это — роман-кариатура. Всякая карикатура, как известно, заключает в себе преувеличение смешной стороны дела; но в то же время заключает в себе и некоторое справедливое основание. Опять-таки «страшимся сказать»³¹, но нам действительно кажется, что наш романист имел в виду чуть ли не «Современник». Есть некоторое сходство, например, хоть в главе «об условиях». Разумеется, они, может быть, не так нелепо происходили, как здесь описано, но — на всё есть свои словечки и формы... Что же касается до главы о суматохе в редакции, до «трагедии в стакане воды», как обозначено у романиста, то, право, не знаем, есть ли тут верное основание. В справедливости всех этих слухов (подавших мысль романисту) мы (повторяем это еще раз) основываемся на том полном убеждении нашем, что г-н Щедрин в последнее время сильно противоречил в своих последних статьях духу и направлению «Современника». А если так, то, конечно, основание слухам значительное. Одно из двух: или «Современник» меняет свои убеждения, или г-н Щедрин дал слово раскаяться. Но что об этом! Нечего плакать заранее. Природа устраивает всё к лучшему.

Наш романист изображает, может быть, уж слишком яркими красками легкомыслие г-на Щедрина. Но, припоминая всё случившееся действительно и даже до нас коснувшееся, не можем не признать, что основания нашего романиста несколько справедливы. Не утверждаем, что г-н Щедрин действительно заучивал наизусть тирады из «Времени» и ими пользовался как для своих сочинений, так и в практической жизни. Нам кажется это даже некоторым преувеличением. Но однако ж, не мы первые засвидетельствовали о том, что г-н Щедрин заимствовал из «Времени» тираду о «подхлестывающих себя кнутиком рутинного либерализма» (фраза кудреватая, соглашаемся в этом без спору, хотя вовсе не отступаемся от нее). Это засвидетельствовало «Русское слово» — орган, нам противоположный и нас не жалующий. Припоминаем еще, что в самом начале поприща г-на Щедрина в «Современнике» в качестве соредактора, когда он явился тогда юмористически в фельетоне, играя, шая и заигрывая, ему действительно случилось сделать против нас выходку, вполне легкомысленную, если только можно ограничиться одним только этим прилагательным. А именно: чтобы (по мнению его) уронить вполне наш тогдашний журнал в глазах публики и вполне выразить к нему свое презрение, г-н Щедрин объявил печатно в «Современнике», что если он помещал у нас прежде статьи, то единственно потому, что «Современник» тогда приостановился на несколько месяцев, а литератору не всегда выгодно ждать несколько месяцев; следовательно, г-н Щедрин только *по необходимости* принужден был у нас печататься. Мы немедленно его уличили. Мы доказали ему цифрами, что в то самое время, когда он отдал в редакцию нашего журнала свою статью, — «Современник» еще издавался; мало того: ни «Современнику», ни г-ну Щедрину, ни кому бы то ни было на свете никоим образом не могло тогда прийти в голову, что «Современник» приостановит свое издание. А следовательно, если б г-н Щедрин действительно тогда же (то есть до вступления своего в «Современник» в качестве соредактора) питал такое ужасное отвращение и пренебрежение к нашему изданию, то для него ничего бы не было легче, как отдать свою статью не нам, а в «Современник». Таким образом, мы тогда же уличили г-на Щедрина в «сознательной неправде»³². Г-н Щедрин не отвечал. И что бы мог он возразить против цифр?

Нас уверяли, что статья «Литературные мелочи» в майском номере «Современника» принадлежит г-ну Щедрину, хотя и нет подписи. Мы, впрочем, и сами узнаем в этой статье «Молодое перо», — так уж мы привыкли к его игре. Статья эта написана как-то печально, в ней какое-то уныние, беспокойство; какие-то жалобы. Веселость

напускная, выделанная, как бы для того только, чтоб исполнить долг службы и обязанности. Против «Русского слова» в ней уже нет почти ничего. Всё это отчасти служит основанием слухам и тоже хоть отчасти оправдывает нашего романиста. Кстати, в этой статье есть неблагоприятная выходка против нас: намекается, что мы, начав издание «Эпохи», будто бы изменили в некотором пункте свои убеждения³³. За недостатком места мы не можем теперь распространиться об этом и опровергать автора. Но автор статьи, помещая свое показание об изменении наших убеждений, совершенно знал наперед, что мы не будем опровергать его. Знал он это вполне. Это верно и ясно как день. Теперь вопрос: стало быть, он прикрывался этим знанием? А если так, то чем же, в сущности, он себя обеспечивал? Вещь удивительная: до сих пор «Современник» не так действовал. Прежде он не позволил бы себе такой выходки. Стало быть, действительно, он изменил свое направление.

Что же касается грусти и уныния, просвечивающих в майском фельетоне, то вот для образчика место начала, со второй страницы. Это место даже на нас навело уныние.

«Что такое дрянь? В просторечии слово это прилагается преимущественно и даже исключительно к явлениям мира вещественного. Всякое вещество, вследствие разложения или принятия в себя чуждых примесей потерявшее свой естественный, здоровый вид, называется “дряню”. «Не тронь, батюшка, это “дрянь”!» — говорит заботливая няня своему питомцу, когда он, движимый любознательностью, хочет прикоснуться к какой-нибудь слякоти или к чему-нибудь гниющему. Но как ни права няня в своем определении, она все-таки не *исчерпывает* сущности предмета, о котором говорит. Понятие, заключающееся в слове “дрянь”, чрезвычайно обширно и из мира вещественного очень удобно переносится в мир нравственный и умственный. Если б няня знала, что известный ей какой-нибудь Петр Иваныч или Иван Петрович совершенно такая же “дрянь”, как и то гниущее вещество, на которое она сейчас указывала, то она точно так же предостерегла бы своего питомца: “Не тронь, батюшка, Петра Ивановича: это дрянь!..”»

Согласитесь сами, что всё это не совсем весело. Ну, скажите, в чем тут³⁴ идея: что не одно то дрянь, что валяется на заднем дворе, а есть и люди дрянь. Но кто ж этого не знал? Согласитесь сами, что это можно сказать в одной строчке. Согласитесь сами, что об этом можно и вовсе не говорить. То-то и есть, господа, тяжела, ух тяжела обязанность присяжного юмориста. Писать не о чем, неприятности, желчь, голова в отлучке, мыслей не бывало, — нет, пиши, вертись, как бес

перед заутреней, переливай из пустого в порожнее, подавай на грош юмористики, — ну и натуживается юморист и прудит на целой странице, что можно сказать в двух словах. Каторжная должность!

Конечно, и в этом отрывке не без юмора. Слышите: «но как ни права няня в своем определении, она все-таки не *исчерпывает* сущности предмета»... Слышите, слышите! Нянька глупая, безмозглая баба, которая двух сложить не умеет, и про нее вдруг говорят, что она *не исчерпывает* предмета, точно про ученого профессора! Тонкий, тонкий сатирик г-н Щедрин и великий бичеватель наших общественных язв! Говорите же после того, что у него только сто раз повторенные «фики».

И однако ж, все-таки это не то. Не то, что прежде, не то... Иногда автор даже хочет развеселиться, и вдруг тайная грусть невольно влечет его к унылым думам; он не выдерживает и жалуется горько, отчаянно жалуется. Вот, например:

«Точно то же следует сказать о вещах. Есть положения злые, есть положения глупые и есть положения просто дрянные. Злые и глупые положения всегда имеют сзади себя некоторую систему, которая их объясняет и в то же время делает возможным противодействие. Напротив того, дрянные положения отличаются совершенным отсутствием системы, поэтому-то они живучее и злых и глупых положений, это те самые положения, которыми никто не доволен, но которые терпеливо выносят из опасения попасть или в глупое, или в злое положение. И тут имеется своего рода хвост и уши, которые на первый взгляд пленяют, но разумеется, что здесь обаяние имеет смысл еще более вредный. Если мы временно обольщаемся дрянным человеком, то это не налагает на нас никаких обязательств, кроме одного: отвернуться от такого человека, как только мы убедимся, что он дрянь; но когда мы обольщаемся дрянным положением, то хотя бы это обольщение было и временное, но последствия его будут гораздо ощутительнее, потому что связь с положением захватывает человека гораздо глубже и разностороннее и, следовательно, действует на него несравненно растлительнее, нежели связь с изолированной дрянной личностью».

Да-с, надо слишком хорошо узнать на практике, что такое скверное положение, чтоб так ярко уметь описать его! И смотрите: он даже с любовью рассматривает это положение, с каким-то унынием отчаяния. Он роется в дрянном положении, он копается в нем, он *исчерпывает* его; он как бы наслаждается этим исчерпыванием, нюхает это дрянное положение и рад тому, что нюхает, «скверно, так пусть же вот еще скверней будет!». Он иронически читает даже себе

мораль, говорит, что надо «терпеливо выносить такие положения. И тут имеются своего рода хвост и уши, которые на первый взгляд пленяют», говорит он. Мне кажется, что автор тут далеко зашел. Про хвост еще не знаем как сказать; но уши-то кого ж пленить могут? Это уже какой-то скрежет зубовный! Мрачно! да, мрачное положение описал автор!

Тут, впрочем, много затаенной грусти. Это не шекспировская страстная выходка, когда у него каждый стих похож на «булат, закаленный в слезах влюбленной девушки», как выразился один француз о Шекспире. Нет, в сущности, это только тихая жалоба, тихое воркование молодой горлинки, тихая, но бесполезная жалоба сельской девы, которую выдают постылому, на тему Кольцова «Без ума без разума Меня замуж выдали»:

Без ума без разума
Меня «Слову» выдали,
Золотое перушко
Силой укоротали...

В самом деле, ну что, если нашему сатирику вдруг скажут: не угодно ли, дескать, переложить к следующему номеру сию Ботанику в «Губернские очерки»? Каково это слышать художнику! Ну что тогда делать?

Право, не знаем. Нам кажется, что если есть хоть тень вероятности в слухах и если действительно существует посторонний сатирик, то отчего ж и не отправиться с ним в Москву и не издавать там свой собственный орган? Что же касается до трудности отыскать направление, то и это не может служить препятствием. Можно просто издавать журнал с тою целью, чтоб в каждом номере заявлять, что, дескать, «я — литературное совершенство». Цель, конечно, не высокая, но зато забавная и которая может доставить г-ну Щедрина несколько приятных минут.

